

К ИСТОКАМ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

ЭТЮДЫ

ЕКАТЕРИНА САМОЙЛОВА
МАРИНА ЧЕРНОСВИТОВА

Екатерина Самойлова

**К истокам русской
духовности. Этюды**

«Издательские решения»

Самойлова Е.

К истокам русской духовности. Этюды / Е. Самойлова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851017-5

Эту книгу нельзя начать читать и бросить. Она захватит с первых строк. Возможно, что чтецам придётся отправиться в библиотеки за первоисточниками. Это — одна из задач авторов. Поднимаются вопросы, которые были всегда чрезвычайно актуальными: «Откуда есть пошла русская Земля?», «Русский вопрос» и рядом с ним непременно «Еврейский вопрос». И, главное, что такое духовность? Просветленная знанием или верой во Всевышнего наша Душа? Действительно ли «на Свете счастья нет, а есть покой и воля»?

ISBN 978-5-44-851017-5

© Самойлова Е.
© Издательские решения

Содержание

Вступление: Вокруг и около	6
Шукшин...	6
Есенин	14
Конец ознакомительного фрагмента.	33

К истокам русской духовности Этюды

Екатерина Самойлова
Марина Черносвитова

Дизайнер обложки Оксана Альфредовна Яблокова

© Екатерина Самойлова, 2017

© Марина Черносвитова, 2017

© Оксана Альфредовна Яблокова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1017-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Памяти Светланы Петровны Есениной и
Николая Григорьевича Юсова*

Посвящаем...

Раскрывая историю русского и славянского мировоззрения и мироощущения, авторы используют запрещенные со времен Николая I источники, а также архивы ГКБ. Через биографию и творчество Василия Шукшина и Сергея Есенина автор, опираясь на богатейший и ранее не публиковавшийся материал из истории государства российского и церкви, восходит к истокам русской духовности, к периоду, когда еще «Палестина была русской землей, греки – дикими данайцами, когда русский алфавит ложился в основу будущих европейских языков». От секретов рюриковичей до секретов Рерихов – диапазон внутренней интриги книги. От гибели Есенина и убийства Айседоры Дункан до «скоропостижной смерти» Шукшина... Взаимоотношения язычества и православия, духовности и народности – и все это в ярком слове писателей. Глубже других проникнувших в глубины русской души.

Вступление: Вокруг и около

Шукшин...

«Мы, родственники Сергея Александровича Есенина, доверяем Черносивитову Е. В. организовать и возглавить работу экспертов по выяснению причин гибели поэта. Согласны на эксгумацию останков поэта».

Документ подписали: Есенин СВ., Есенина СП., Есенина З. С., Наседкина Е. А., Есенина А.С, Есенин Д. Е., Есенина Д. Д., Титов СВ., Митрофанов И. О., Митрофанова А. И., Ильин С. А. Ильин В.С, Ильин А. С.

(Документ датирован 10 мая 2006 года.)

(См.: К истокам русской духовности // Современное право. 2006. №№4 —6, 8.)

Сын поэта А. С. Есенин-Вольпин, постоянно проживающий в Бостоне (США), высказал свое согласие на эксгумацию в письме к Е. В. Черносивитову еще в 1990 году: «Ввиду наличия различных версий (убийство, самоубийство) гибели моего отца в конце 1925 года... предложение эксгумации его тела... поддерживаю в надежде на то, что она поможет выяснению истины».

(См.: Черносивитов Е. В. И снова о Сергее Есенине // Россия молодая. 1990. №12. С. 68.)

«Мне хочется писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литературными приемами».

(И. А. Бунин)

«Обычно Бог и народ неразрывно связаны друг с другом, изначально они – одно целое. Иногда, пожалуй, бывало, что народ принимал другого Бога, но никогда Бог не избирал себе народа»

(З. Фрейд)

Многое в жизни человека можно принять за случайность, но только не рождение и не смерть. Так считали предки наши, древние русичи. Время и место рождения и смерти, наверное, могут сказать много о человеке. Так, для Василия Макаровича Шукшина эти отметины глубоко символичны, как знаки на земле большой жизни. Что касается времени – разговор особый. Сейчас повод поговорить о месте.

В конце 70-х Шукшин как-то сказал: «Не теперь, нет. Важно прорваться в будущую Россию».

Алтай, Сростки, Катунь – вместе малая родина. Это пришло в наше сознание с Шукшиным. Шукшинские чтения на горе Пикет в Сростках – вот уже десятилетие большой народный ПРАЗДНИК. И стекаются в последнее воскресенье июля, в самую «макушку лета», как говорил Василий Макарович, тысячи людей на Алтай из разных концов земли нашей да и из заморских стран. Но, после 1985 года, что-то стало твориться неладное в эти дни на Алтае. Вроде бы приезжают к Шукшину, а идут под знаменами Рериха. Вроде бы под знаменами Рериха, а называют себя кришнаитами. Да и не в духовном экстазе, а в наркотическом опьянении. Все больше и больше бритоголовых появлялось в эти дни в шукшинских местах. В великолепных ярких

обложках и на отличной бумаге стали продавать в Сростках (sic!) книги о всякой «восточной мудрости», о путях к «духовному прозрению и освобождению», под знаком шестиконечной звезды или огненного колеса. «Бхагавад-Гита вытеснила Евангелие», – со вздохом констатируют православные алтайцы. Не вытесняют ли и Шукшина с Алтая под благовидным предлогом возрождения рериховского движения? Вот какой вопрос тогда возникал! Почему приурочивают рериховские, так сказать, мероприятия, ко дню рождения Василия Макаровича, к Шукшинским чтениям? И еще один, вполне закономерный вопрос: кто финансирует эти, явно не шукшинские, экспедиции на Алтай? Наконец, на шукшинских чтениях в Сростках, было зачитано послание Рерихов (Николая Константиновича и Елены Ивановны) следующего содержания: (1 января 1924 года, Сикким). «Была дана нам перед снегами Гималаев заповедь чрезвычайного значения. Христос сказал Будде: «Негоже самим храм строить, самим на колокольне звонить. Брат Будда, собери тех людей, которые могут третий глаз возжечь, помоги им пустыню пройти, надели их достатком строительным, чистую звезду перед ними зажги, воздай меру доверия. Пусть Храм вознесется руками человеческими, чтобы было куда войти нашему Собору. Быть тому на Звенигороде, удумаем, куда посадить строителей, какою мерою честь воздать Тому, кто за нас на весь мир позвонил. Быть тому на Звенигороде». Записана заповедь Христова 1-го января 1924 года перед великою горою. Заповедь пошлите призванным каменщикам. Замечайте нити великой пряжи. Твердым сознанием горы перейдете. Указ явите Тарухану.

Уже вижу, какой путь ему назначен, какой груз повезет на Алтай».

Как тут не вспомнить слова Спасителя: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимает Меня; а если иной придет во имя свое, его примите».

Вот такая преамбула к рассказу о Днях памяти В. М. Шукшина, которые впервые прошли на Дону в станице Клетская 15 и 16 сентября.

Эта донская земля приняла последний вздох Шукшина, здесь он умер, снимаясь в фильме «Они сражались за Родину». И это опять глубоко символично в отношении к Шукшину – жил, творил, страдал и пал, сражаясь за Родину. И умер-то на Дону!

В гости к донцам приехали москвичи и волгоградцы, актеры, писатели, журналисты, деятели культуры и искусства. Среди них такие, горячо любимые в народе актеры, как вдова Василия Макаровича, народная артистка РСФСР Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина, народные артистки РСФСР Любовь Сергеевна Соколова и Людмила Васильевна Зайцева, заслуженная артистка РСФСР Татьяна Георгиевна Конюхова. Здесь же издатель-редактор всех книг В. М. Шукшина, которые вышли в «Молодой гвардии», Г. С. Кострова. Понаехало много казаков из близлежащих станиц – Калача, Новониколаевской, Усть-Медведицкой. Все вместе, одним казачьим кругом открыли 15 сентября в районной библиотеке станицы Клетская, которая носит теперь имя В. М. Шукшина его бюст, работы волгоградского скульптора А. Тамарова. А потом начались многочисленные встречи гостей и станичников в Доме культуры, кинотеатре, на площадях и улицах Клетской. Гости привезли с собой фильмы В. М. Шукшина «Странные люди» и «Печки-лавочки», а также документальный фильм Р. и Ю. Григорьевых «На родине Шукшина».

Шестнадцать лет, как ушел из жизни Шукшин. Но здесь, на донской земле, он словно был еще вчера. Это физически ощущалось по атмосфере, которая царила в Днях памяти. И была она несуетна, торжественна и здрава. И это в наше-то время?

В страхе, тревоге и смуте сейчас наша страна. Опять лихая година выпала на долю народа. Рвут страну на куски злые и беспощадные вороги, в душу гадом вползая, манипулируя нашими чувствами, истощая силы народные. Как нужны богатыри сейчас русской земле, народные заступники. Одним из них был и остается Шукшин. Вот выступали на Днях его памяти разные люди, а говорили-то об одном, о бедах наших российских, о трагическом разладе. И полу-

чалось так, что к Шукшину обращались, словно помощи от него просили. Помощи, совета и моральной поддержки.

И думается: что такое Шукшин? Огромной величины моральная сила? Нравственный ориентир в духовном возрождении России? Да, это все он. Но не только.

Если хорошо поразмыслить о расладе в нашей стране, то неизбежно приходишь к таким словам, как духовный раскол. И дальше, к мыслям об основе единства русского народа. Каково оно? Кровное? Еще Карамзин и Костомаров, историки наши, хорошо изобразили, как мешалась и перемешивалась кровь русских испокон веков. Религия? Вот Василии Иванович Белов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, сказал, что и слово крестьянство – от «христианства». И еще – «моя тысячелетняя Родина». А как же тогда быть неверующим, которых на Руси, и также испокон веков, отнюдь не мало. Как быть с тем фактом, что именно язычник, преследующий христиан, сын княгини Ольги и отец князя Владимира, с именами которых связано принятие христианства на Руси, положил почти все границы Государства Российского и впервые в истории нашего государства заключил с другими договоры «мира и любви»? Язык? Устный или письменный? Восходящий к кириллице или скованный ею, как грубой одеждою, да еще с чужого плеча?

На шукшинских чтениях по случаю 60-летия Василия Макаровича в театре города Бийска, где началась его трудовая деятельность в качестве учителя школы рабочей молодежи, выступил археолог из Новосибирска, ведущий раскопки в районе Байкала. Он сделал, наверное, сенсационное сообщение о цивилизациях, существующих не одну тысячу лет до принятия христианства на Руси. Чрезвычайно развитых цивилизациях, которым могли бы позавидовать и Древняя Греция и Египет. Так вот, по антропологическим данным получается, что это наши предки, русичи. Эти цивилизации, как предполагает ученый из Сибири, подвержены циклам, включающим возникновение, расцвет и гибель цивилизации. Каждый цикл равен тысяча лет. Озеро Байкал – прародитель этих цивилизаций: БОГ русских. Мать Божья – Сибирь. В. М. Шукшин, согласно представлениям новосибирского антрополога – мессия, посланный на землю Русскую праотцом русичей. «Посмотрите на дочь Шукшина, – воскликнул тогда этот ученый, показывая на Машу, дочь Василия Макаровича, – она же яйцеголовая! Это типично для русичей с чистой кровью». Вот так...

Любимый герой, главный из всех героев Шукшина, с которыми Василий Макарович несомненно отождествлял себя – донской казак Степан Тимофеевич Разин. Велика любовь была у Шукшина не только к его «малой родине» Алтаю, но и к донской земле. Последние годы все мысли его, так или иначе обращались на Дон. Известно, как страстно и неистово он хотел снять фильм о Разине (написал сценарий, а затем книжку «Я пришел дать вам волю»). Разве можно говорить, что Шукшин случайно умер на донской земле? Прочтите внимательно «Я пришел дать вам волю»! Не только о конкретном историческом периоде России эта книга. Она – настоящий духовный анализ, восхождение к истокам нашим: туда, за черту христианства, ко времени и месту наших предков. Разве можно сейчас честно и серьезно утверждать, что «русичи появились во второй половине девятого столетия и как саранча расплозились по свету»? Кстати, можно сравнить, например, образ Степана Разина, написанный Шукшиным, с образом Святослава, сына княгини Ольги. Сравните, и вы поразитесь их сходством, и в характере, и в направленности мысли и в действиях. Упрекали Святослава, когда он рвался ... на Дунай. «Ты, княже, чужея земли ищещи и блюдеши, а своя охабивь...» Время Святослава определено, как «отчаянная вспышка буйной силы». Все свои важные решения, при безусловном единовластии, Святослав принимал кругом. Он был первым казаком Руси, его форма государственности по многим чертам является прообразом казачьего уклада.

А донцы станицы Клетская на Днях памяти нарекли Василия Макаровича «первым казаком округа».

Дни памяти В. М. Шукшина на Дону. Как это сейчас вовремя и к месту. Шукшин чрезвычайно страшен для всяких лазутчиков и диверсантов, подрывающих основы нашей духовности. Уж больно они активизировались во время большой ломки, которая произошла, уничтожив одну из форм нашей государственности – СССР, лучшую, из всех, предыдущих, известных написанной Истории. Процесс «ломки» (в двух смыслах этого слова!) происходит в нашей стране и сейчас, в XXI веке. Изошрены «носители» дезинформации о нашем, многонациональном народе, собравшимся случайно (?) вокруг русичей. Вот один пример. Пущен в оборот термин «космическое сознание» и создан кентавр «русский космизм». И проглатываем, и не задумываемся, что такого рода эзотерическая мистика глубоко чужда русскому и православному мироощущению. Власть Космоса и власть Земли. Третьего не дано. Космос или безликий, холодный, бездушный, с мертвым светом луны и звезд монстр, заброшенная кем-то очень высоко большая бездонная бочка, или крыша – небо над головой с теплым и ласковым солнышком и веселыми облаками. Небо над землей. Шукшин-то выбрал последнее, признавая лишь одну власть над человеком – ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ. Поэтому и сам он подобен былинному Микуле Селяниновичу. Жизнь Василий Макарович определяет, как «...теплое желе, пронизанное миллиардами кровеносных переплетений, нервных прожилок... Беспреданно вздрагивающее, пульсирующее, колыхающееся». Он советует быть ближе к земле приглядеться к ней повнимательнее, в микроскоп ее рассматривать (микроскоп тоже своеобразный символ темной ориентированности, в отличие от космической, символом которой, в этом смысле, является телескоп). Перечитайте рассказ Шукшина «Микроскоп»! А кому молятся лучшие шукшинские герои? Земной божьей матери. Приснодева у него – с глазами земной женщины, любящей и любимой земным человеком.

Шукшин не только духовник. Он провидец, ученый-политик. Если бы нашим парламентариям и лидерам, да прочитать как следует повесть Шукшина «Я пришел дать вам волю»! Все пороки нашего государственного устройства, правления, власти там доступно изложены, механизмы их просто показаны. Да и решение многих жгучих вопросов нашего государственного бытия в этой книге предлагается. «Государство», «власть», «авторитет», «вождь», «закон», «порядок», «сильное правление», «церковь» и много других понятий общественно-политического устройства с научной строгостью и скрупулезностью проанализированы Шукшиным.

Народный заступник Степан Разин, чуя гибель своего святого дела дать людям волю, не с отчаяния, а в холодном здравии бросает клич «сарынь на кичку»!

...16 сентября 1990 года отчалила от берега, что под крутым утесом в окрестностях хутора Мелологовского (где снимался фильм «Они сражались за Родину») лодка-плоскодонка. На лодке этой сидели казак с молодой красавицей казачкой и вдова Василия Макаровича Шукшина Лидия Николаевна. На стрежне Дона, в самой стремнине женщины бережно опустили огромный венок из живых цветов на воду, на красной ленте которого долго еще с берега была видна надпись: «В. М. Шукшину от донских казаков». А потом был большой ПРАЗДНИК, о котором тоже не раз говорил Василий Макарович – казачий Карагод.

Отныне и навеки Катунь и Дон слились воедино в имени Шукшина. И, как сказал один из выступающих казаков на «круге», предложивший считать Василия Макаровича Шукшина – первым казаком станицы Клетска, «От Тихого Дона до Тихого Океана, с коротким отдыхом на горе Пикет, да поднимется Русь великая и возродится, и вернет себе былое – славу и могущество!». С этой мыслью уезжали гости со станицы Клетская. И правда, эта мысль и была главным мотивом Дней памяти Василия Макаровича Шукшина, которые закончились 17 сентября 1990 года обнадеживающе символично.

Еще несколько лет назад, Евгений Васильевич Черносвитов, заканчивая свою книгу «Пройти по краю. Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии», пытался честно ответить, прежде всего самому себе, для чего я написал ее? Внутреннюю связь с Шукшиным автор не порывал все последующие годы. Тогда Е. В. Черносвитов писал: «Эта книга вызвана

единственной потребностью общения с Шукшиным. Попыткой вновь и вновь пережить что-то подлинное, сокровенное. И наверняка, все-таки желанием узнать что-то, что могло быть упущено ранее. Вернее, угадать то, до чего так хотел додуматься Василий Макарович... Да, расшифровать его!

Подойдем и мы к творчеству В. М. Шукшина, его жизни как исследователи-ученые. Сейчас происходит другая «расшифровка» Шукшина – самой действительностью. Что для нас, вступивших вместе со страной в качественно новую социальность, остается в Шукшине без изменения и в наше время? Прежде всего то, что он был мудр, в народном значении этого слова. Только поэтому он был русским философом (в первоначальном смысле этих слов), наряду с такими философами, как Федор Достоевский, Лев Толстой, Николай Бердяев и отец Павел Флоренский. И, как всякий истинный философ, обладающий к тому же даром художественного, образного воплощения своих мыслей, он сотворил свой мир. Больше того, он представил этот мир экранно.

Любой большой писатель (а Шукшин был прежде всего писатель) порождает свой мир... Гомер, Данте, Шекспир, Сервантес, Диккенс, Гюго, Бальзак, Достоевский, Островский, Тургенев, Чехов... И это или вся Вселенная, или эпоха, или одна страна в конкретно-исторический период, или один большой город... Мир Шукшина – «малая Родина». И населяют этот мир – земляки Василия Макаровича. Но само слово «земляки» берется не в географическом, а философско-этическом и, если хотите, эстетическом смыслах.

Но так уж мы устроены, что все связываем с географией... В Париже во времена Бальзака, жили бальзаковские литературные герои. Герои Шукшина живут на Алтае или приехали оттуда. Предки самих Шукшиных, по родословной Василия Макаровича, пришли на Алтай с Волги («Ты родом-то откуда?») – спрашивает Разин своего «патриарха». Тот отвечает: «А вот почать мои родные места. Там вон в Волгу-то справа, Сура вливается, а в Суру – малая речушка Шукша. ... Там и деревня моя была, тоже Шукша. Она разошлась, деревня-то. ... Ажик в Сибирь двинулись которые...» («Я пришел дать вам волю»).

И еще: «Мы от казаков приходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почать вся деревня», – говорит Бронька Пупков, герой рассказа «Миль пардон, мадам!» В рассказах Шукшина пункты его географии четко обозначены. Здесь и Сростки, Онгудай («Рыжий»); Березовка («Кукушкины слезы», «Двое на телеге», «Печки-лавочки», «Любавины», «Брат мой...», Завьялово («Капроновая елочка», «Брат мой...»); Лебяжье (шукшинский дипломный фильм «Из Лебяжьего сообщают...», «Земляки»); Красный Яр («Внутреннее содержание», «Выбираю деревню на жительство»). Географические меты находим и в других местах: «В город Б-ск, что в полсотне километров отсюда» (рассказ «Сураз»; это как раз расстояние от Бийска до Сросток). В автобиографическом цикле «Из детских лет Ивана Попова» прочитаем: «Перед самой войной повез нас отчим в город Б. Это – ближайший от нас...» Герой повести «Там, вдали» Петр Ивлев, отвечая на вопрос, откуда он родом, говорит: «Из-под Барнаула...». В «Калине красной» находим: «История эта началась... севернее города Н. (Новосибирск – М.Ч., Е.С.), в местах далеких и строгих». В тексте в разговорах мужиков мелькают такие детали: «гурты перегонял вон из Монголии» (это типичное явление для Алтая). Много в рассказах и таких отметин: «на реке Катунь, у деревни Талица» («Леля Селезнева с факультета журналистики»); «Талица в трех верстах от Чебровка» («Мастер»); а один из циклов рассказов так и называется: «В селе Чебровка»; «она вон талицкая (это через речку)» («Чужие»). В рассказе «Наказ» герой говорит: «Деревня наша, не деревня – село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань... Ну, а жили-то мы в Низовке. В Сростках до сих пор различают «районы» – Низовка, Баклань, Дикари, Мордва. Сам-то Шукшин был из Низовки. И Егор Прокудин после несостоявшегося праздника «бордельеро» требует такси до Низовки, хотя автобус

его привез в село Ясное. Кстати, Спирька Расторгуев («Сураз») «жил» в селе Ясном и приходил в гости к старикам Прокудиным...

Как красной лентой обвита географическая карта шукшинской земли рекой Катунью. Первый цикл рассказов в «Новом мире» назывался «Они с Катуня»: «И еще есть река на Алтае – Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, рвется из гор. А то вдруг присмирится в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьет за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая – каждую песчинку на дне видно, каждый камешек» («Живет такой парень»); «И тогда на берег стремительной реки Катуня выходил древний старик... («Солнце, старик и девушка»). Даже когда она прямо не называется, ее описание не оставляет сомнений – это всегда Катунь: «... Ближе к вечеру выбирали уютное местечко на берегу красивой стремительной реки раскладывали костерок» («Миль пардон, мадам!»). «... Мысленно он исходил свою деревню, заглянул в каждый закоулок, сидел на берегу стремительной чистой реки...» («Жена мужа в Париж провожала»). Или вот, в «Калине красной», в нелегкие минуты своей жизни герой вспоминает «далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу реки, саму реку...». А в рассказе «Два письма» человеку «приснилась родная деревня. Идет будто он берегом реки...».

На этом можно было бы закончить перечисление населенных пунктов, где живут земляки Василия Шукшина, да вот в чем дело, что мешает перейти к другой мысли. «Сростки», «Катунь» – разве эти названия сейчас только географические? Нет! В этих словах появилась магия, они притягивают к себе и вызывают смутные душевные движения в каждом, для кого русский язык родной. Человечьим теплом и надежностью от них веет. Да и зовут они вдаль светлую, туда, к истокам нашим. Не поэтому ли и Алтай стал воистину землей обетованной для всех, для кого слово Русь есть имя духовное.

Алтай и Шукшин вот уже второй десяток лет нечто неразрывное. Но, будем справедливы, ведь много больших имен связано с Алтаем (и Рерих, и Вернадский, и Шишков, да и других немало) ... Но Алтай до Шукшина и Алтай после Шукшина – это два разных явления. Можно не читать Шукшина, не посмотреть ни одной его картины, ни одной его роли. И все равно, оказавшись на Алтае, вы будете видеть его главами Василия Макаровича... Это непостижимо, но это так. Такова, как видно, и здесь, магия творчества, порождающего свой мир или избирающего его для своего духовного преобразования.

Так «малая родина» у Шукшина имеет тенденцию неудержимо распространяться за свои пределы... Глобальные, вселенские, коренные вопросы бытия каким-то закономерным образом вставали перед героями Шукшина – что ни герой, то «проклятый» вопрос – и, отвечая на них, Василий Макарович как бы вмешивался в дела миропорядка и мироздания. Вспомним в связи с этим глубокие по смыслу слова другого великого писателя, так не похожего на Василия Шукшина – Хорхе Луиса Борхеса: «Я думаю, что люди вообще ошибаются, когда считают, что лишь повседневное представляет реальность, а все остальное ирреальной широком смысле страсти, идеи, предложения столь же реальны, как факты повседневности и более того – создают факты повседневности. Я уверен, что все философы мира влияют на повседневную жизнь» («Всеобщая история бесчестья»).

Шукшинская «малая Родина» (интересно заметить, как факт нашей действительности, что это философское понятие, ожившее в устах Шукшина, появилось на слуху одновременно с брежневской «малой землей») имеет в себе, как в фокусе проблемы и чаяния всех людей конца XX века – не только нас, русских – русичей и россиян. И, мы подчеркиваем, что именно конца XX века, а не второй его половины, ибо герои Василия Шукшина хоть в чем-то, но непременно опережают свое время. При всей своей реальности, узнаваемости, сиюминутности, они никоим образом не будничны. Просто не вмещаются в рамки конкретных и реальных будней. Выходя за их границы (то путем чудачества, то стезей преступления, то ценой собственной гибели), они пытаются прорваться вместе со своим автором в будущую Россию. И таким

образом само будущее входит в настоящее. Герои Шукшина всегда оказываются на схлестке двух потоков времени – из прошлого через настоящее в будущее и из будущего через настоящее в прошлое. Для нравственного сознания шукшинского героя «прошлое» и «будущее» предстают одновременно. Это необычно и поэтому непереносимо. Отсюда обязательно боль, страсть, надрыв. А результат – дума, в которой поступок чудака, как фасад, скрывает интенсивную, напряженную мысль, маскируя ее под наив или побасенку, вроде «да, так, ничего – печки-лавочки». А сказка? *У Шукшина одна сказка «До третьих петухов»...* Остальное – правда. *Ну, а сказка-то не правда ли? Не о нашем ли она времени, земляки XXI-го века, первых десятилетий?*

Здесь позволим себе еще одно отступление, подчеркнув древнюю мысль, что прорыв в будущее начинается с возврата к истокам. Но стоит поглубже нырнуть в реку забвения – в Лету, прошлое (не эта ли река духовности нащей?), непременно вынырнешь в своем будущем.

24 ноября 1990 года в Ярославском театре юного зрителя состоялась премьера спектакля «До третьих петухов» по повести-сказке Василия Шукшина (режиссер-постановщик А. Кузин). На премьеру были приглашены Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина – президент Русского центра искусств и культуры им. В. М. Шукшина и генеральный директор Фонда, Евгений Васильевич Черносвитов. В Ярославле в эти дни было морозно, крепко лежал снег магазинов шаром покати. В городе было голодно, артистам пришлось извиняться перед гостями, что никакого ужина после премьеры не будет, так как не смогли найти продуктов. Был только грузинский чай и пачка сахара. Попивая чаек, там на сцене ТЮЗа, актеры и гости из Москвы, поговорили после премьеры и о спектакле, и о Шукшине, и о текущем моменте.

Почему Шукшин? Сейчас он оказался как бы в стороне, театры уже не так часто включают в свой репертуар его пьесы, инсценировки... Еще тогда, на художественном совете главный режиссер театра Александр Сергеевич Кузин предложил к постановке «До третьих петухов» – последовало некоторое замешательство. Шукшин? Сейчас? Не устарело ли произведение, написанное 16 лет назад? Перечитали. И оказалось, не устарело. Более того, кажется, что написана эта сказка про Ивана-дурака тогда, в те дни. 1990 года! А, оказалось, и в наши дни, 2016 года, эта «сказка» про жизнь нашу, тоже! Хорошо почувствовали это актеры ярославского ТЮЗа вместе со своим режиссером. Что значит одно название спектакля с подзаголовком в наши дни: «До третьих петухов. Сказка в двух действиях (о том, как ходил Иван-дурак за тридевять земель набираться ума-разума)»! Это когда наши иваны-дураки по малейшему поводу, а то и без всякого повода так и шастают за тридевять земель набираться ума-разума, да никак не наберутся... И, детей своих туда отсылают!

Конечно, эта пьеса сейчас читается по-другому, чем тогда, когда она появилась на свет. А ведь какую тогда мысль пытался довести до сознания зрителя А. Кузин в 1990 году? Всего лишь одну – об идиотизме нашей оболваненной жизни! Тогда, одни, «литературные критики», например, Виктор Горн с Алтая, растерявшись от этого, особняком стоящего произведения Шукшина, видели в нем чуть ли не сатиру на бюрократов редакторов и издателей и некие намеки на нашей, российское, хамство. А, из-за «бугра», например, Евгений Верглиб, увидели в сказке некую притчу и продолжение классической русской темы бесовщины. Тогда, в 1990 году, режиссеру ярославского театра Кузину, поставившему спектакль «До третьих петухов», хотелось рассказать, как наше знаменитое русское «авось» (авось обойдется, авось как-нибудь переживем, авось перемелется и т. п.) привело к разрухе. К душевной пустоте. Хотелось призвать к пробуждению россиян. Вот почему кричит в финале спектакля Иван-дурак: «Да не сидеть бы нам, не расслаживаться!...». И горланят долго-предолго петухи в ответ на последние слова Ивана: «Другие петухи вон поют, а на наших, типун напал!» Горланят свое «ку-ка-ре-ку!» до конца, пока последний зритель не покинет «зал»! Есть и такая мысль, которую хотелось еще тогда, в 1990 году, в Ярославле, хотели довести до ума «зрителя» со «сцены»:

неужто уж так и будет на Руси. Что, когда одни ваньку ломают, то другие Ваньку в оглоблю сгибают. А, кому-то до сих пор непонятно, откуда все наши беды российские...

...Вот то, ключевое слово к этой сказке Шукшина для наших дней: *лихо!* Без него и петухи не запоют, и непонятно будет, зачем Иван-дурак за тридевять земель-то ходит? Без лихости и донской казак – не казак, да и сабля у него деревянная... *Так события сегодняшнего дня, глобального масштаба, без спроса врываются и исподволь структурируются шукшинским сказочным текстом.* Вот вам и сказка – быль! Какой уж тут намек и добрым ли молодцам урок? Реальность это то, что только сегодня реальность. Тут – бытие. Говорят экзистенциальные философы. В других отношениях, то есть в отношении к пошлому и будущему. Любая реальность может оказаться всего лишь мнимостью геометрии воображения. «Все разумное действительно», – утверждал в свое время великий немецкий философ Гегель. «Но только в том случае, – лукаво добавлял он, – когда все действительно разумно». Только с серьезной миной и глубокомысленным взглядом не надо прочитывать (да и показывать) повесть-сказку Василия Шукшина «До третьих петухов». В лихости и лукавosti ее сокровенный смысл. Кстати, никогда не нужно упускать из виду, при всей нашей русской благосклонности и любви к Иванушке-дураку, что он – прежде всего дурак. Василий Макарович как-то признался: «Во всех рецензиях только: „Шукшин любит своих героев... Шукшин с любовью описывает своих героев...“ Да что я, идиот, что ли, всех подряд любить?! Или блаженный? Не хотят вдуматься, черти. Или – не умеют. И то, и другое, наверно». «Идиот», «блаженный» – это ближайшие синонимы «дурака». И здесь, в этом высказывании, у Василия Макаровича рядом «черти». А в «До третьих петухов» Иван-дурак вступает, как известно, в стовор с чертями – он им помогает войти в монастырь, а они ему – попасть на прием к Мудрецу... Нет, не так-то все просто с дураками у нас на Руси. Был у Шукшина сценарий. Который хотел он назвать условно «Дуракам закон не писан» («Фильм должен вовлечь в себя, – писал об этом сценарии Василий Макарович. – разные стороны жизни, разных людей. Мир села... Это мир простой, как мычание коровы, как просто каждый день встает и заходит солнце. Мир воров и туенядцев, высланных из столичных городов, мир злых и бессовестных людей... Мир творческой интеллигенции...») Это что, все те, кому закон не писан?) Но известно и ставшее уже хрестоматийным, следующее высказывание Шукшина: «Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени, вопиет так же неистово, как в гении, так же неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники не от мира сего – много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках), и не стоило бы, может быть, так многозначительно вступать в статью, если бы не желание поделиться собственными наблюдениями на этот счет». Это из его статьи «Нравственность есть Правда», написанной в 1969 году. Но вспомним шукшинский рассказ «Боря», один из последних. В нем явная романтизация клинического идиота. Дурак не может быть добрым: это явная идеализация глупости; вспомним, что другой великий немецкий философ Иммануил Кант не разрывал теоретический разум от практического, то есть морального, и объединял их через способность к эстетическому суждению, то бишь – чувству прекрасного, чего также лишен клинический идиот. Это, безусловно, так. Но вместе с тем и сакраментальное шукшинское – «Что же жизнь – комедия или трагедия?» И – гениальное сближение в духовном, так сказать, плане идиота Бори... с императором Наполеоном. «Несколько красиво написалось, – продолжает Шукшин, – но мысль по-серьезному уперлась сюда: комедия или тихая, жуткая трагедия. В которой все мы – от Наполеона до Бори – неуклюжие актеры? Особенно Наполеон, со скрещенными руками и треуголкой».

...«А пошли на Волгу! – кричал казак в 1990 году со сцены в Ярославле. Чего сидеть?! Сарынь!!»

Есенин

*«О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка...
С Есенин. «Сорокоуст»
«Черный человек!»
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбежен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...*

С. Есенин. «Черный человек»¹.

В «Медицинской газете» (от 22 декабря 1989 г.) в беседе с судебно-медицинским экспертом профессором Борисом Сергеевичем Свадковским обозревателя Н. Сафроновой под заголовком «Версии или пересуды? О смерти Сергея Есенина» читаем: «Смерти такого рода, как выпала большому нашему национальному поэту, имеют право на уважение их тайны». Может быть, сказано и красиво, но в связи со смертью Есенина это кощунство.

Однако не только статья в «Медицинской газете» побудила тогда врача и философа родившегося через 20 лет после смерти С. А. Есенина, Евгения Васильевича Черносвитова, написать эти строки:

«Ошибаются те, кто думает, что «пересуды» вокруг смерти Есенина – искусственное явление тогдашнего (1989 г.) «смутного» времени. Ибо существовало мнение: поэт покончил жизнь самоубийством, повесившись в «Англетере». Ведь было и стихотворение, «написанное кровью накануне» – «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Был и «Черный человек», были и «психушки». А вот начали тогда «стирать» «белые пятна нашей истории», некоторые люди, пользуясь моментом, вдруг вспомнили о Есенине, и безапелляционно заявили «Есенин был убит». Мы еще не раз вернемся к вышеназванной статье в «МГ», ибо, как в ней сказано: **«...речь идет не просто об ошибках в терминологии. Важна позиция по существу»**. Что ж, позиция по существу – дело важное, но какова она на самом деле?

Мысль о причинах гибели Есенина. Начиная с того предновогоднего дня 1925 года, как о ней оповестили читателей газеты Ленинграда и Москвы. Не переставала тревожить всех, кому дорого имя поэта. Думаем, не были спокойны и его враги. Если мы не ошибаемся, нас поправят читатели и живые свидетели того времени. Для нас не является «неожиданностью»! «У Есенина в душе было столько солнца. Голубого неба и любви – этого хватило бы на много жизней. Он не мог покончить с собой!» – это мнение моей княгини Марии Алексеевны Ухтомской, родной бабушки Евгения Васильевича Черносвитова, написавший серию статей о гибели Сергея Есенина, о его истинных взаимоотношениях с Айседорой Дункан, о том, кто на самом деле была эта «босоножка»!

«Сергей Александрович по крови был крестьянин. И не дурачок. Такой – не удавится», – была убеждена княгиня Мария Алексеевна Ухтомская, бабушка Евгения Черносвитова. Это она, вместе с Григорием Ефимовичем Новых-Новокрещеновым («распутин» – не фамилия Григория Ефимовича, а кличка, данная ему врагами) устроила Сергея Есенина в 1916 году в санитарный поезд для раненных на фронте, и тем самым, спасла ему жизнь! В апреле 1916 г.

¹ Здесь и далее Есенин цитируется по: Сергей Есенин. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. Стихотворения, поэмы. Москва, «Советская Россия», 1990, «Современник».

Сергея Александровича призвали на армейскую службу. По приказу полковника Д. Н. Ломана (распоряжение Николая 2, по просьбе княгини Марии Ухтомской и Григория Ефимовича) Сергея Есенина назначили санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд №143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Санитарный поезд, в котором он служил, причислялся к Царскосельскому лазарету, который находился на территории уже знакомого поэту Федоровского городка. Здесь в качестве сестер милосердия трудилась сама Императрица и ее дочери – Царевны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Они перевязывали раненых и ухаживали за ними, а Государыня участвовала даже при оперировании тяжелораненых. Сергей Есенин, что тщательно скрывалось не только в советское время, но и сейчас, дружил с Марией Николаевной и читал стихи императрице, а Марии – отдельно. Эти стихи до сих пор «засекречены» и где они находятся – никто не знает! В архиве Есенина, который КГБ отдал ИМЛИ, этих стихов нет.

Для самоубийства всегда должны быть веские причины. Только два рода причин вызывают его: внешние обстоятельства и психическая болезнь. Всякие другие слова типа «слабодушие», «душевный кризис», «переоценка ценностей», «подведение жизненного итога», «разочарование в жизни», «крах жизненных планов» и «потеря смысла жизни» – это лишь термины. Описывающие чрезвычайные внешние обстоятельства, в которых единственный выход для личности (чтобы сохранить свое достоинство, свои убеждения, себя, наконец, как личность) – это самоубийство. В чрезвычайных обстоятельствах у человека, доведенного до «последней черты», есть кроме самоубийства и другой выбор – убийство. Суицид (самоубийство) и гомицид (убийство) – крайние формы реагирования личности. И они, эти формы поведения, в подобных случаях доказывают сохранность человека как личности, защищающего этими страшными способами, свое достоинство. А если один выбирает самоубийство, а другой – убийство, то это дело совести и конкретных обстоятельств.

Психические заболевания различны. И далеко не все могут явиться причиной самоубийства. Лишь некоторые болезненные душевные состояния и расстройства могут окончиться трагедией. И врачам эти состояния хорошо известны. Сразу нужно сказать со всей ответственностью: Сергей Александрович Есенин никакой психической болезнью не страдал. И если его смерть – результат самоубийства, то только, как поступок сильной личности в чрезвычайных обстоятельствах. Это не требует никаких доказательств и расследований (если, конечно, не требуется убеждать кого-нибудь в том, что Есенин не был сумасшедшим).

Для того, чтобы человек мог покончить с собой, не будучи психически больным, всегда нужен кто-то, кто «поможет» ему в этом. Обстоятельства в конечном итоге – это живые, конкретные люди, желающие смерти того, кого они доводят до самоубийства. Но доведение до самоубийства – одна из форм убийства. Убийства изошпенного. Это хорошо знают юристы. Поэтому «пересуды» вокруг гибели Есенина, начатые в 1989 году и непрекращающиеся и сегодня, сводятся в принципе к одной версии – убийства. В противном случае это были бы пересуды о том, был ли Есенин сумасшедшим или не был.

В «МГ» читаем: «Итак, мнение ваше, Борис Сергеевич, однозначно: «версия» убийства Сергея Есенина несостоятельна? – спрашивает Б. С. Свадковского корреспондент. И уважаемый судмедэксперт отвечает: «Для признания ее нет никаких медицинских научно обоснованных, взвешенных, четких аргументов». А его коллега, также профессор – патологоанатом, Ф. А. Морозов (см. «Труд», №№101, 178 за 1989 г.) считает иначе: «Есенин был сильно избит, а потом задушен, возможно, подушкой». Но Свадковский, полемизируя со своим оппонентом, считает, что такой вывод «... не выдерживает никакой критики сточки зрения судебно-медицинской экспертизы. Они просто годятся для практикума студентам, изучающим эту специальность». Да, именно так дискутирует Б. С. Свадковский с Ф. А. Морозовым. При этом безответственно относится и к студентам, изучающим судмедэкспертизу. Выходит, по Свадковскому. они занимаются не наукой. Действительно, в чем, безусловно, прав Свадковский,

так это в том, что *когда речь идет о таких личностях, как Есенин, то важны не термины, а позиция*. А как же с истиной – может быть, и она не важна? И поэт нам все «безоглядно доверил в стихах», и «смерть имеет право на тайну»... Да и «всегда загадочны утраты». Вот что внушают нам Б. С. Свадковский и Н. Сафронова в своей беседе. Мы уделили столько внимания этой статье по одной причине: уж слишком по-современному она «звучит»! Именно в ней есть современный «аргумент» для оппонентов – запугивание: «Только, не дай Бог, чтобы снова, как в 30-е, 40-е, 50-е, давили на наше сознание призраки, мерещились заговоры». И еще: «Пока получается нечто похожее на приглашение в печально известную теорию косвенных доказательств, творцом которой был великий теоретик дутых процессов нашего недавнего еще прошлого А. Я. Вышинский...». И это все в небольшой «беседе» по поводу гибели С. А. Есенина, в которой не нашлось ни одного слова, которое должно было бы быть сказано профессионалом по существу. Ведь заверения типа: «А что касается «построений», которые в изобилии производились вокруг данных экспертизы А. Г. Гиляревского (судмедэксперта, производившего вскрытие трупа С. А. Есенина. – Е.С., М.Ч.), они несерьезны», «вряд ли кого могут удовлетворить».

И последнее о выступлении Б. С. Свадковского в «МГ» – он высказывает сожаление, «что так или иначе благодаря средствам массовой информации в обсуждение оказались вовлечены множество людей». Это что же – отстаивание пресловутого права «на уважение тайны» гибели поэта? Иными словами, нежелание, чтобы мы все никогда (ни в 1989 году ни сейчас, во втором десятилетии XXI-го века, не узнали истину о трагической смерти С. А. Есенина)?

Мы прорываемся к истокам нашим. Через светлые и мощные, трагические истории Шукшина и Есенина. Сейчас мы в «истории» Сергея Есенина. Рассмотрим мнение еще одного «авторитета» из конца прошлого века. Но, прежде чем обратиться к статье некоего Эдуарда Хлысталова, бывшего «следователя», «разработавшего» версию убийства С. А. Есенина. См.: «Тайна гостиницы „Англетер“. История одного частного расследования». («Москва», №7, 1989 г.), вернемся к событиям, непосредственно предшествующим гибели Есенина. Вот как описывает предысторию «англетеровской трагедии» наш известнейший есениновед (о нем мы расскажем особо) Юрий Львович Прокушев, в своей книге «Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха» (М., «Молодая гвардия», 1989, издание 5-е!) – и вот уже 30 лет она кочует из издания в издание его многочисленных книг (примерно по одной книге в год):

«7 декабря Есенин отправил из Москвы ленинградскому поэту В. Эрлиху телеграмму: «Немедленно найди две комнаты. 20 числа переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй. Есенин».

21 декабря Есенин оставляет клинику. Он снимает со сберкнижки деньги. Они необходимы ему для поездки.

23 декабря Есенин, будучи в Госиздате, сообщает о своем отъезде и договаривается о том, что, как только будут готовы гранки первого тома его собрания сочинения, их направят ему в Ленинград. В то же день, незадолго до отъезда, на квартире у С. А. Толстой, встретившись с Наседкиным (мужем старшей сестры поэта – Е.С., М.Ч.), Есенин, как свидетельствует последний, «дает мне госиздатовский чек на семьсот пятьдесят рублей – он не успел сегодня заглянуть в банк и едет в Ленинград почти без денег. Просил выслать завтра же.

Через две недели мы должны были встретиться в Ленинграде...»

«Все это говорит за то, – уверяет Ю. Л. Прокушев, – что в Ленинград поэт ехал не умирать, а работать!» Читаем дальше: «24 декабря Есенин – в Ленинграде. Эрлих пока не успел найти для него и одной комнаты. Есенин решает поселиться в гостинице «Англетер». Здесь в это время жили близкие знакомые поэта: писатель и журналист Г. Ф. Устинов и его жена – Е. А. Устинова. В своих воспоминаниях «Четыре дня Сергея Александровича Есенина» она рассказывает:

«... Утром в 10 – 11 часов к нам почти вбежал в шапке и шарфе сияющий Есенин.

– Ты откуда, где пальто, с кем?

– А я здесь остановился. Сегодня из Москвы, прямо с вокзала. Мне швейцар сказал, что вы тут, а я хотел быть с вами и снял пятый номер. Пойдемте ко мне. Посидим у меня, выпьем шампанского. Тетя (так звал Есенин автора воспоминаний – Ю. П.), ведь это по случаю приезда, а другого вина я не пью.

Пошли к нему. Есенин сказал, что он из Москвы уехал навсегда, будет жить в Ленинграде и начнет здесь новую жизнь – пить вино совершенно перестанет. Со своими родственниками он окончательно расстался, к жене не вернется – словом, говорил о полном обновлении своего быта. У него был большой подъем...».

25, 26, 27 декабря Есенин встречался со своими ленинградскими знакомыми и друзьями... На второй день после приезда Есенин вместе с Эрлихом навестил Клюева. Потом они втроем вернулись в гостиницу. Вскоре подошел художник Мансуров. «Есенин, – вспоминает Вольф Эрлих, – читал последние стихи.

– Ты, Николай, мой учитель. Слушай.

Учитель слушал...

Ушел Клюев в четвертом часу. Обещал прийти вечером, но не пришел. Пришли Устиновы. Елизавета Алексеевна принесла самовар. С Устиновыми пришел Ушаков и старик писатель Измайлов. Пили чай. Есенин снова читал стихи, в том числе и «Черного человека». Говорил:

– Снимем квартиру вместе с Жоржем (Г. Ф. Устиновым – Ю. П.). Тетя Лиза (Устинова) будет хозяйка. Возьму у Ионова журнал. Работать буду. Ты знаешь, мы только праздники побездельничаем, а там – за работу».

Утро 27 декабря. Тот же В. Эрлих рассказывает в своей книге «Право на песнь»: «Стоим около письменного стола: Есенин, Устинова и я... Кажется, в комнате была прислуга. Он (Есенин – Ю. П.) говорит:

– Да! Тетя Лиза, послушай! Это безобразие! чтобы в номере не было чернил! Ты понимаешь? Хочу написать стихи, и нет чернил. Я искал, искал, так и не нашел. Смотри, что я сделал!

Он засучил рукав и показал руку: надрез. Поднялся крик. Устинова рассердилась не на шутку. Кончили они так:

– Сергунька! Говорю тебе в последний раз! Если повторится еще раз такая штука, мы больше не знакомы!

– Тетя Лиза! А я тебе говорю, что если у меня не будет чернил, я еще раз разрежу руку! Что я, бухгалтер, что ли, чтобы откладывать на завтра!

– Чернила будут. Но если тебе еще раз взбредет в голову писать по ночам, а чернила к тому времени высохнут, можешь подождать до утра. Ничего с тобой не случится.

На этом посадили. Есенин нагибается к столу, вырывает из блокнота листок, показывает издали: стихи. Говорит, складывая листок вчетверо и кладя его в карман моего пиджака:

– Тебе.

Устинова хочет прочесть.

– Нет, ты подожди! Останется один, прочтает».

Далее Ю. Л. Прокушев приводит воспоминания Е. А. Устиновой. А затем подводит черту: «Если судить по этим рассказам то при разночтении в деталях и частностях, почти неизбежных в таких случаях, казалось, ничто не предвещало надвигающейся катастрофы». Юрий Львович формулирует здесь вопрос, который, я убежден, всегда висел в атмосфере народной скорби о С. А. Есенине: «Что могло произойти в те немногие часы, когда Есенин остался один в номере гостиницы? Какие черные силы толкнули поэта к роковой черте?»

Стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», по признанию В. Эрлиха, было прочитано им лишь 28 декабря, когда он узнал о смерти Есенина. Впервые это стихотворение

было напечатано в «Красной газете» 29 декабря и сразу же стало известно повсеместно как «завещание» поэта.

И вот, раскрыв 7-й номер журнала «Москва» за 1989 год, сразу наткнемся на заголовок: «Тайна гостиницы «Англетер». История одного частного расследования». Первая мысль – «перевели Агату Кристи». Только затем резанет – «Англетер»! Это ведь о Есенине! Прочитав первые две страницы, хочется отложить – какие-то вещи настораживают, отталкивают от чтения, не вызывают доверия. Все же, преодолевая внутреннее сопротивление, мы решаем прочитать это сочинение бывшего «следователя» (и откуда он взялся, толкователь смерти великого поэта? Вот одна сказка (опять сказка!) из статьи в журнале Москва «следователя» Хлысталова: «лет десять назад... в следственное управление неизвестное лицо прислало конверт с двумя фотографиями. На них изображен Есенин... повешенный в Англете! Не сказка, сознательная ложь!

Ведь маленькая ложь вызывает большое недоверие. Так, кажется, говорят англичане. А этих «маленьких неправд» в статье Э. Хлысталова, увы, предостаточно.

Э. Хлысталов убежден, что *Есенин убит и что это было «политическое убийство»*. Он составил биохронику последних дней поэта, тщательно собирая различного рода документы, вплоть до счетов в ресторанах, и знает, где, когда, с кем и как долго был Сергей Александрович. Читаешь внимательно его «судебный очерк», и чувствуешь, как тебя ведут к убеждению, что организатором и исполнителем травли поэта было... конечно же – ГПУ, и что Есенина окружали явные и тайные враги, в том числе агенты ЧК и ГПУ! Забегая вперед, скажем, а, то что Айседора Дункан, знакомясь с Есениным, выполняла, весьма вероятно, заказ Абвера, будучи немецкой шпионкой, «босоножкой», как ее предшественница, тоже «босоножка», Мата Хари!

Прочитав этот очерк Э. Хлысталова, и вспомнив вышеприведенные рассказы о последних днях Есенина, написанные Ю. Л. Прокушевым, любой не искушенный в делах сыска человек, невольно придет к выводу, что если Есенин убит, то не исключено: убийцами (или причастными к убийству) являются В. Эрлих, чета Устиновых, художник Мансуров, старый писатель Измайлов и... Николай Клюев. Эдуард Хлысталов, заимствуя «схему преступления» Агаты Кристи, «предполагает, что был еще «некто загадочный». «Работник гостиницы?», «женщина?» – спрашивает себя же Э. Хлысталов. – «Неизвестный врач?»... «Я не исключаю, что именно заявление неизвестного врача о том, что смерть наступила за 5 – 7 часов до обнаружения трупа, дало алиби В. Эрлиху». Ergo sum!

Рассматривая ГПУ, как организатора и исполнителя убийства, естественно, «следователь МВД» Э. А. Хлысталов, как «профессионал» уличает их, то есть сотрудников ГРУ, милиционеров,

а) в небрежности (составления акта осмотра места происшествия);

б) сокрытии одних документов (показаний свидетелей) и подлоге, вплоть до акта судебно-медицинской экспертизы А. Г. Гиляревского («Поэтому можно категорически утверждать, что было еще одно заключение о причинах трагической гибели С. А. Есенина, которое в настоящее время неизвестно»);

в) умышленном отказе разрабатывать версию об убийстве (даже следователь не занимался «делом Есенина», а всего лишь дознаватель). Длинные руки у ГПУ, и хорошо следы заметали».

Вот еще одно открытие Э. Хлысталова: «собирая материал для очерка, знакомясь со множеством публикаций о С. А. Есенине, я обнаружил одну печальную закономерность: во всех опубликованных в нашей печати посмертных фотографиях поэта отсутствуют следы травм на его лице». И он задает вопрос: «Печатались такие фотографии, где этих травм и ожогов не было видно. Или они тщательно ретушировались?»

Э. Хлысталов пишет, что не берет ответственности судить о качестве выводов А. Г. Гиляревского. И все же «нервом» его заметок является интерпретация именно акта судмедэкспертизы. И это несмотря на то, что у него «нет уверенности, что акт написан рукой Гиляревского», что «создается впечатление, что акт Гиляревским А. Г. был написан под чьим-то давлением, без тщательного осмотра тела и до вскрытия».

...И вот перед нами акт вскрытия трупа Сергея Александровича Есенина, подписанный судмедэкспертом Гиляревским, и все фотографии из 5-го номера Англетера и фотография С. Есенина в морге Обуховской больницы г. Ленинграда (28.12.25 г.) и вместе с ней и «посмертная маска» С. Есенина. Так вот, следуя индуктивной логике детективного жанра, той «черной кошкой, которую ищут в темной комнате», должно являться стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Здесь, по нашему мнению, чутье «профессионала-сыщика» Э. Хлысталова не подвело. Прочитываем «сказку»! «Откровенно говоря, я не представляю, как можно написать стихотворение кровью из разрезанной вены...» Далее: «Дружбы с Эрлихом у Есенина не было, он устраивал Есенина как предприимчивый человек, поэтому писать ему кровью стихотворение гордый Есенин никогда бы не стал». И здесь Хлысталов неправ – психологически резонно отдать было это стихотворение не другу, а предприимчивому человеку (такой вернее донесет его до широкой аудитории, что, кстати, Эрлих и сделал).

Так вот, окажись, что это стихотворение написано не Есениным, или не его кровью, или кровью мертвого Есенина – все встало бы на свои места в версии Э. Хлысталова. С актом же судмедэксперта не так все однозначно: ведь не только по соображениям сокрытия убийства кто-то мог его подменить или «отредактировать». Но и по другим мотивам... Так что судмедэкспертам вместе с есениноведами следовало бы, на наш взгляд, начинать именно со стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (С. А. Есенин последние два года неоднократно госпитализировался, в том числе и в связи с травмой ноги, в больницах Москвы, в 1923 году он лечился также в Европе. Современными методами можно установить идентичность крови, которой написано последнее стихотворение, и крови С. А. Есенина).

При первом нашем взгляде на фотографию мертвого Есенина, сразу бросилось в глаза огромная вмятина на лбу поэта, идущая чуть ли не от волосистой части головы, захватывающая две трети правой надбровной дуги и переносье. Вряд ли это дефект эмульсионного слоя фотографии. Не зная акта судмедэкспертизы, только на основании осмотра этой фотографии даже не профессионалы должны бы заключить, что это повреждение костей черепа посмертное и возникло от удара тупым твердым предметом с большой силой или от удара о таковой. Будь оно прижизненным – не так бы выглядели глаза, нос и уши (избавим читателя от подробностей, а тот, кто знаком с медициной или физиологией, легко дорисует картину). Но, сравнивая эту фотографию с «посмертной маской» (читай дальше!) С. А. Есенина, замечаешь явное несоответствие в повреждении: судя, по маске, эта вмятина... какая-то «искусственная»! Ниже поясним.

А теперь что касается самого акта А. Г. Гиляревского. Во-первых, в акте нет ни малейших указаний на наличие черепно-мозговой травмы – ни прижизненного, ни посмертного характера. Вдавление на лбу расценено как «давление при повешении» (о трубу отопления, к которой была привязана веревка. (Е.С., М.Ч.) Так действительно выглядят посмертные вдавления, возникающие в результате трупного окоченения. Картина смерти от асфиксии (удушения) описана в акте, конечно, недостаточно полно и подробно, но все же, судя по акту, состояние внутренних органов именно такое, как бывает при смерти от асфиксии. Наши замечания по акту касаются, в частности, и описания странгуляционной борозды. Да, при такой странгуляционной борозде, смерть могла наступить от асфиксии. Как ни крути, от этого не уйти, и все рассуждения Э. Хлысталова, касающиеся повреждений, найденных на трупе С. А. Есенина, ни в какую другую картину не укладываются.

И вот здесь нам нужно сделать одно чрезвычайно серьезное и ко многому обязывающее замечание. Акт Гиляревского неполный и по описанию картины смерти, и по сохранности (часть акта оторвана, как раз при описании состояния мозга и перед заключением). Тем не менее, мы должны заявить, что описание состояния мозга не соответствует описанию состояния других органов! Это не мозг в асфиксии (для специалистов поясняем: нет ни одного признака отека мозга, обязательного при асфиксии). Картина состояния мозга из данного акта А. Г. Гиляревского, могла бы соответствовать смерти, например, от острой сердечно-сосудистой недостаточности (и то не полностью) или от отравления некоторыми быстродействующими ядами. Сразу оговоримся – мы не выдвигаю никаких новых «версий», а констатирую факты. Конечно, нужно поднять другие акты судмедэкспертизы, написанные А. Г. Гиляревским, в том числе и повешенных, и сравнить их с данным. Но, думаем, тут дело в другом. Склонны согласиться с Э. Хлысталовым, что на эксперта, проводившего вскрытие трупа С. А. Есенина, «оказывали давление». Опять же оговоримся: это давление могло иметь самые различные мотивы, а не только те, чтобы сокрыть убийство.

В плане нашего замечания о несоответствии состояния мозга другим органам многое в расследовании гибели поэта начинает представлять в неожиданном свете. Подчеркиваем, что мы здесь рассуждаем, как ученые, (а не так, как Э. Хлысталов – с позиций «должного», инструкциями определенного). Так вот, с нашей точки зрения, не важно, написал данный акт А. Г. Гиляревский или другой судмедэксперт, (а то, что акт этот написан не сотрудником ГПУ, а судмедэкспертом, то есть врачом-профессионалом, не вызывает никакого сомнения). Важно другое. Убеждены, что бросающееся в глаза профессионалу несоответствие патологоанатомических данных мозга и других внутренних органов – не небрежность и не показатель невежественности врача. Это сделано сознательно, преднамеренно. Это сделано, как указание для всякого другого судмедэксперта, в руки к которому попадет данный акт, что он не соответствует истине. Это послание коллеги коллеге. Честное послание честного человека. Вынужденного, таким образом, зашифровываться, прятать то, что ему стало известно – от профана и невежды, от злой и правящей воли. Или... чтобы смягчить удар по психике, многомиллионных обожателей великого поэта!

Во времени гитлеризма в Германии честные психиатры, чтобы их пациентов не уничтожали, как неполноценных, придумывали различные термины. Напиши они в истории болезни «психопат» или «шизофреник» – и больной был бы уничтожен. А наши психиатры, во времена «великого застоя», как изощрялись, чтобы скрыть истину и оправдать инакомыслие! А. В. Снежневский, к примеру. Его обвиняют, что он придумал термин «вялотекущая шизофрения» для того, чтобы всех инакомыслящих объявить сумасшедшими. И это делает невежество. Ведь, по теории Снежневского, страдающий вялотекущей шизофренией (вдумайтесь в термин – «вялотекущая»!) – это очень-очень долго психически сохраннный человек. Поставь такому человеку просто «шизофрения» – преждевременное слабоумие – и приговоришь его сразу к социальной смерти. Да, вот так приходится изощряться всем, кто несет в своем сердце клятву Гиппократа!

Судмедэксперт, написавший акт, подписанный фамилией Гиляревского, знал, что «дело» прикроют. И он оставил свой знак нам, потомкам.

Наконец, пора высказать и свое мнение и ответить на извечный русский вопрос: «Что делать?».

Убеждены, и в этом мы солидарны с нашим научным редактором, профессором Евгением Васильевичем Черносвитовым, что выход один – необходимо повторное судебно-медицинское исследование останков трупа С. А. Есенина, то есть эксгумация. Думаем, что попытки, например, найти необходимую информацию у поэтов, художников, случайных людей, так или иначе соприкоснувшихся со смертью Есенина, – тщетные попытки! «У страха глаза велики». Богатое воображение заставляет нас видеть то, чего нет перед глазами («мраморное лицо», «исчезнув-

ший пиджак», «ожог лица», «синяки» и т. п., – это скорее всего плоды встревоженного воображения). Кстати, очерк Сергея Куняева «Смерть поэта. Версия. Хроника журналистского расследования» – это выплеск эмоций человека, гибель Есенина которому глубоко небезразлична. Но... в хронике, к сожалению, находим «20 гр. мозга», вышедших через образование на лбу. Если бы автор был медиком, то он знал бы, что когда через повреждения лба выходит 20 граммов мозга, то весь остальной мозг «выходит» через рот, нос, уши, и вряд ли написал бы это!

Предложение об эксгумации трупа С. А. Есенина об этом впервые высказался профессор Евгений Васильевич Черносвитов, имеющий солидный опыт практической работы судебно-медицинского эксперта, в 1989 году Ю. Л. Прокушеву, В. И. Белову и племяннице С. А. Есенина – Т. П. Флор-Есениной. От них он услышал, что все нужно взвесить, продумать. Делать спокойно и основательно. Ведь речь идет о нашей народной гордости и чести. Они согласились с профессором, что «нужно идти до конца». Евгений Васильевич тогда, от общества «Знание», проехал по всему СССР! Поговорил сначала со своими родными, друзьями и знакомыми, которые его однозначно поддержали. А выступления его были перед крестьянами и рабочими, служащими, военнослужащими, учеными, писателями, деятелями искусства разных поколений) – серьезных аргументов против эксгумации Евгений Васильевич не получил. Но ему не раз приходилось слышать сомнения такого рода: «Пошумите, попишите – и на этом закончите... Как со смертью Маяковского...». Разговаривал профессор и с представителями Русской православной церкви – нет аргументов против. Действительно, ведь вскрывают могилы. Когда переносят прах из одного места в другое, и не только по желанию умершего лежать в родной земле, но и просто из одного места родной земли в другое. Не только вскрываются могилы. Но и непосредственное воздействие на останки оказывается – хотя бы для того, чтобы их сохранить... Неужели тайна смерти какого-нибудь Тутанхамона нас больше волнует, чем тайна гибели Есенина?

С горечью и сейчас думаем, что нам следовало бы собрать группу специалистов и не бояться прикоснуться не к одной тайне смерти, и не один прах подвергнуть строгой научной экспертизе... Нас, например, уже, как граждан постсоветской России, оскорбляет версия самоубийства декабриста М. С. Лунина, предложенная Натаном Эйдельманом, и в изощренном виде представленная в спектакле «Смерть Жака»...

«Тайна могилы» – понятие суеверное. Предки наши предавали своих усопших огню. В земле лишь сохраняли (отсюда и слово «хоронить») – на время.

Отдельно нужно сказать о Василии Ивановиче Белове, который подвинул Евгения Васильевича Черносвитова на расследование гибели Есенина, узнав, что он в прошлом судмедэксперт и психиатр. Василий Иванович первым поднял вопрос о причинах гибели Есенина, выступив в своей родной Вологде («Пора снять с него клевету о самоубийстве»). Его поддержали В. Г. Распутин и И. С. Глазунов.

Василий Иванович дал Евгению Васильевичу копию своего письма главному редактору «Огонька» В. Коротичу. Вот это письмо:

«Виталий Алексеевич! Шлю Вам привет.

Письмо с приглашением участвовать получил – спасибо. В «Огоньке» я ни разу не печатался. Попытки были безуспешные. Не вижу принципиальной разницы между временам, у вас пока сменилась одна форма.

У меня просьба к Вам и Евгению Александровичу: опубликуйте правду о смерти Есенина (пора снять с него клевету о самоубийстве). Это было бы совершенно в духе перестройки и гласности. Имеются и документы, и серьезные исследования, и живые свидетели.

Прошу, не отвечая пока по существу, подтвердить получение моего письма. Белов. 17.V.87».

Подтверждения Василий Иванович не получил. Правду о смерти С. А. Есенина «Огонек» не опубликовал. Письмо является собственностью профессора Евгения Васильевича Черно-

сивитова, нашего научного редактора. Как Василий Иванович Белов передал судьбу расследования смерти Сергея Есенина Евгению Васильевичу, я написала в журнале «Аврора» (см. журнал «Аврора», №6.2012).

На свою первую публикацию о смерти С. А. Есенина Евгений Васильевич Черносивитов получил много писем в поддержку. Противники, видимо, просто не писали. Одно письмо мы выделим, ибо его писал профессионал-филолог. Имя его было для Евгения Васильевича, неизвестное, не знали автора письма и коллеги по ИМЛИ (где Евгений Васильевич к тому времени уже работал старшим научным сотрудником, собирая коллектив для подготовки собрания сочинения В. М. Шукшина). Но... оказался неожиданным образом для самого себя – это было до его о смерти Есенина – в есенинской группе по подготовке академического собрания сочинений поэта).

Цитируем письмо неизвестного автора.

«Берем книгу «Сергей Есенин. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. Стихотворения, поэмы. Москва, «Советская Россия», 1990, «Современник». Слово о поэте Ю. В. Бондарева. Составление, вступительная статья и комментарий Ю. Л. Прокушева» и читаем начало поэмы «Черный человек»:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.

Стоп, на этом прервем, как сейчас говорят наши «лидеры», судьбоносную для Есенина поэму, (к ней мы еще вернемся). Это письмо неизвестного филолога из Одессы (ведущим советским есениноведам, работающим над академическим собранием сочинений С. А. Есенина, фамилия литератора и филолога Анатолия Яни, автора письма... «не знали». Не знали его и в «Радунице»).

А. Яни озаглавил письмо «Самоубийство бродяги»? (Записки одесского филолога о стихах, жизни и смерти Сергея Есенина)».

Итак, Анатолий Яни продолжает: «Я очень рад и сердечно благодарен редакции еженедельника «Ветеран», врачу и философу Евгению Черносивитову за то, что в №4 за 1990 год опубликованы его размышления о гибели Сергея Есенина.

К предложению Евгения Черносивитова об эксгумации трупа хотел бы присовокупить и «эксгумацию» рукописей любимого поэта. Изучение их, надеюсь, очистит личность замечательного лирика от многочисленных навешенных на него ярлыков.

«Самоубийство бродяги» – именно эти слова о С. А. Есенине употребил и опубликовал некий, неизвестный мне Б. Л. Розенфельд, через пять лет после трагической гибели поэта, рассуждая в обширной статье в «Литературной энциклопедии» (т. 4, с. 82) о «мотивах бродяжничества и хулиганства». «Перед нами оказывается бродяга и вор», – пишет Б. Л. Розенфельд. Но что же Есенин украл и у кого? Какие есть доказательства?

Поэтические образы в стихах, лирические герои и персонажи в произведениях нельзя грубо отождествлять всегда с самим поэтом. Это, во-первых. А во-вторых, образ так назы-

ваемого «хулиганства» можно понимать в стихах Есенина как метафору, как его сомнение в «счастливой» ломке дореволюционной Руси при наступлении на нее «железного врага». «Хулиганство» – это неравнодушие, небезразличие к меняющейся судьбе страны, свое собственное, особенное, нешаблонное понимание революции. Вероятно, это «инакомыслие» и давало право говорить о психической болезни Есенина. Но «скандалил» он отнюдь не как сумасшедший. На «скандалы» сумасшедшего никто не обращал бы внимания, в крайнем случае поместили бы надолго в психушку. Мне кажется, что для того, чтобы понять настроения С. А. Есенина в послереволюционный период, нужно сравнить их с послереволюционными настроениями И. А. Бунина, описанными в его «Окаянных днях». Возможно, если бы Есенин «сорвался» во Францию, он тоже прожил бы до 83-х лет. Бунин враждебно встретил Октябрьскую революцию. Не в силах восторгаться ею был и Есенин. У него болела душа. Но это не значит, что был он душевнобольным. Почему не убежал за границу? На это есть ответ в стихах: «Не вылечить души пустыней и отколом». Без Родины жизнь – пустыня. Хотя и на родине она – «обман с чарующей тоской». Писать агитационные стихи, «агитки», как это делал Ефим Алексеевич Придворов под псевдонимом Демьян Бедный, Есенин технически, конечно, мог бы. Но не желал создавать строки по велению ума, а не сердца. Не то бы и он, Есенин, к своему сорокалетию был бы награжден орденом Красного Знамени и прожил бы свыше 60-ти лет. Но тогда Есениным бы он не был.

«Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!
Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою...

Автора приведенных строк никто никогда не называл и не называет ни хулиганом, ни скандалистом, хотя Придворов-Бедный пропагандирует злодейское убийство. Что же это за понимание задач поэзии? Его басни и частушки вошли в прижизненный 19-томник, но кто любит стихи этого агитатора так же, как Есенина? Просто было время, когда вместо песен Есенина, никому тогда не нужных, распевались «агитки Бедного Демьяна». Что оставалось делать Есенину? Нет, не вспарывать сытые брюшные полости штыком, а пожелать здоровья:

Цветите, юные. И здоровейте телом.
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Есенин хотел разобраться в самом себе, ощущая себя «иностранцем» в родной стране. И как только ни называли поэта: «идеологом упадничества», «деклассированным представителем кулачества и циничного апофеоза разврата», завсегдаем «удушливой мути кабаков и притонов». Что ж, если стихи его не принимались тогда «благородным» обществом, он их читал проституткам.

В 1916 году, т. е. до революции, журнал «Вестник Европы» называл Есенина «народным златоцветом». А в 20-е годы и даже после смерти своей он стал неуютным? Для чего он уехал из Москвы в Ленинград? Видимо, в Москве создались труднейшие до невозможности обстоятельства для его жизни и творческой работы. Не для того же покинул Москву Есенин, чтобы

в Ленинграде искать смерти, будто при желании невозможно было отыскать ее в Москве. Для самоубийства в другие города не уезжают. Собирался жить, нельзя понять по-иному.

Тончайший лирик, обращаясь к своему сердцу, писал:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Да, он понимал, что жизнь человека не вечна, что он стареет и умирает, однако преждевременно уходить из жизни по своей инициативе не собирался:

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

(Слова Есенина здесь и ниже выделены мной – А. Я.)
«Счастья нет, но горевать не буду»...» – обещает поэт.

У него болела нога. В связи с травмой ноги он лежал в больницах. Именно из московской клиники он решил ехать в Ленинград. И тут я хочу коснуться поэтических строк Есенина, в которых появилась «нога», а вернее даже «ноги». Есть такое народное выражение: «Откуда растут ноги?»

Речь пойдет всего лишь об одной-единственной букве, но на примере ее подмены попытаюсь показать и проследить, как идеал психического здоровья² может превратиться в толки и перетолки о том, был ли Есенин умалишенным, в порядке ли был, как говорит фольклор, его «чердак». Иначе не возникла бы версия изощренного, умышленного убийства поэта, физической расправы над ним.

Итак, продолжаем: «Что же это за буква, о которой я давно хотел рассказать? Мое рассуждение печатать в газете раньше принято было считать нецелесообразным.

Я обращался к рукописям Есенина, изучал его почерк. Буквы «г» и «ч» он писал почти одинаково, идентично. В одном из стихотворений о любви Есенин пишет:

*«Ночи теплые, – не в воле я, не в силах,
Не могу не прославлять, не петь их.
Он любил ночи. Не раз описывал месяц, луну:
Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.*

В этом же стихотворении встречаю и слово «ноги»:

² Здесь прервемся цитировать интересное письмо из Одессы!.. В 1916 г. некая Т. Розенталь написала статью «Эпилептик Ф. М. Достоевский: обусловленность творчества болезнью». Но кампания по психопатологизации русских писателей и поэтов началась намного раньше. Так вот, чтоб «защитить» Пушкина, Гоголя и Достоевского, русский психиатр В. Ф. Чиж и пишет статью «Пушкин как идеал психического здоровья», «Гоголь как психопатолог», «Достоевский как психопатолог» (все опубликовано в Юрьеве в сборниках статей в 1896 – 1899 гг.). В своей статье «Еще раз о смерти С. Есенина» Евгений Васильевич Черносвитов пообещал читателям написать статью «Есенин как идеал психического здоровья»... Обещание выполнил – см. библиографию

Любить лишь можно только раз,
Вот отчего ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы *ноги* погружая.

Вы заметили: ночи и ноги. Меняется одна буква. Много раз в стихах Есенина фигурирует и то, и другое слово. И читаются в рукописях слова эти формально (по почерку) одинаково. Только по смыслу возможно понять, где «ноги», а где «ночи». Вчитаемся же в известные строчки поэта:

Голова моя машет ушами, как крыльями птица.
Ей *на шее ноги* маячить больше невмочь...

Себя поэт сравнил с птицей, у которой, естественно, есть шея и голова. Голова на шее. Анатомия эта ясна, как божий день. И вдруг возникает, откуда ни возьмись, «нога». И «шея», оказывается, относится к ... «ноге». «Шея ноги». Вот так бред! А есениноведы пишут о «наивно-образном реализме» Есенина, о «примитивном субъективизме, не знающем абстрактного понятия», о том, что есенинскому мышлению свойственна конкретность, лежащая в основе его «поэтической гносеологии». Что же это за «предметный реализм», маячащий «на шее ноги»? Где это? Может ли художник проиллюстрировать?

А что, если весь «фокус» – в букве: не какие-то там «ноги», а «ночи»? Все становится понятным, заумь исчезает вместе с «ногой» – и возникает совершенно естественный в данном контексте образ ночей. Невмочь, невмоготу, совсем нет возможностей, нет сил терпеть: целые ночи. То есть ночами. По ночам бедной голове надоело виднеться вдаль.

Когда я, будучи студентом-филологом университета, предложил вникнуть в букву есенинской рукописи, всполошились ученые-литературоведы. Однако вместо того чтобы научно, обоснованно и объективно доказать, прав я или нет, кое-кто воскликнул, а какая, дескать, разница, «ноги» там или «ночи», «шея ноги» или «шея ночи». Да, если так понимать, как вырвано из контекста: «шея» – чего? – «ночи», то это, конечно, тоже чепуха, ибо у ночи тоже нет шеи. Как и у ноги. Но дело здесь совершенно в другом. Следует обратить внимание на то, что слово это – «ночи» – должно читаться и пониматься в именительном падеже множественного числа, а не в родительном единственного.

Вероятно, когда-то было угодно кому-то и выгодно хоть «шеей ноги» подчеркнуть, что у Есенина случались «заскоки». Нам, читателям, внушали, что Есенин повесился в гостинице «Англетер», будучи «в болезненном состоянии». Значит, имея серьезную психическую болезнь?

Свыше полстолетия прошло с того трагического дня, когда жизнь поэта оборвалась. Но почему за все эти 54 года не родилось пока ни одно фундаментального труда, исследования, диссертации с детальным расследованием причин гибели Сергея Есенина? Не потому ли, что поиск истины, как это нередко бывает, запрещен? Можно говорить все, что угодно, лишь вокруг да около, но только не по существу – со всеми соответствующими подробностями и фактами.

Характер Есенина, как мне представляется, был сродни характеру Владимира Высоцкого. По натуре они врожденные оптимисты.

В детстве Высоцкому отец-военный подарил «черный пистолет». Володя был озорником. Есенин о своем детстве вспоминает, что был «большим драчуном и ходил всегда в царапинах». Бесшабашная удаля, необычайное озорство, смелость, непринужденность, раскованность роднят Есенина с Высоцким. Сближает их не только увлечение поэзией и яркое собственное творчество, но и некоторое пристрастие к алкоголю и даже похожие сердечные увлечения, нежные

чувства к известным зарубежным актрисам. Есенин был влюблен в Айседору Дункан. Высоцкий обожал Марину Влади³.

...Но можно ли хоть на секунду представить себе, что Высоцкий, как и Есенин, повесился? Неслыханно глупая версия. Можно ли говорить об «упадничестве» поэта, кровь которого кипит, бурлит, горит? Между тем, ярлык «упадничество» не раз привязывался к шее Есенина, как галстук.

В «Литературной энциклопедии» 1930 года вышеупомянутый Б. Розенфельд неизвестно на основании каких данных и источников сообщает: «Богема и принимавший все более острые формы наследственный алкоголизм привели Есенина к гибели: под влиянием тяжелых психических переживаний, он окончил жизнь самоубийством».

Как же мог неизлечимый алкоголик и шизофреник одновременно быть тружеником вдохновенного пера, четким аккуратным почерком выписывавшим каждую отдельную букровку своей замечательной лирики? За какие качества человека с тяжелым психическим заболеванием плюс острые формы наследственного алкоголизма, смогла полюбить прославленная танцовщица? (Оговоримся: с этим мнением Анатолия Яни мы еще разберемся подробнее – Е.С., М.Ч.). Только ли за «золотую голову»? Ясна ли до конца вся биография, жизненный и творческий путь Есенина? О какой «пассивности» и «практической бездеятельности» Есенина (терминология того же Б. Розенфельда) можно рассуждать? На основании каких бесспорных фактов? Неужто лишь на основании того, что восемнадцатилетним юношей он, смело отправился в Петербург «пробовать» свою поэзию? Это ли «пассивность»? Может быть, такой же неугасимой творческой пассивностью в кавычках, обладал кинорежиссер, сценарист, писатель и актер Василий Шукшин, скоропостижно умерший на съемках фильма «Они сражались за Родину»?

Это были очень энергичные люди. «Бездеятельность»? А скорее совсем наоборот – целеустремленность и полет духа! Автор энциклопедической статьи решил иронически назвать эту есенинскую целеустремленность лишь «охотой к перемене мест». По этой же причине, видать, и директор вечерней школы в родном селе, поменял Алтайский край на Москву, где окончил режиссерский факультет ВГИКа? Значит, мыслить можно как угодно, когда выдумываются уничтожающие формулировки?

Лирическое «я» в стихах и песнях, как говорил о себе Высоцкий, часто не совпадает с жизнью самого автора. Следует отнести это и к Есенину. Если в стихах можно найти желание лирического персонажа быть «бродягой и вором», то это не значит, что Есенин – бродяга и вор. Снова возникает вопрос, что же конкретно похитил «вор», кого ограбил?

Философ и врач с 20-летним стажем работы психиатром Евгений Черносвитов заканчивает сейчас рукопись большой и серьезной, основанной на скрупулезном изучении и анализе документальных материалов статьи «С. А. Есенин как идеал психического здоровья». Полагаю, что этот научно-медицинский очерк о поэте будет опубликован в ближайшее время и высветит многие психологические аспекты личности Есенина, чтобы все раз и навсегда поняли, что ни в малейшей степени, ни в какой мере никакой психической болезнью Есенин не страдал. А затем можно будет подойти ближе к тайне, которую хранит его могила.

Анатолий Яни, литератор»

Мы привел все письмо А. Яни потому, что автор, по воле логики своего повествования о С. А. Есенине (именно повествования, подчеркиваем это) коснулся многих моментов, которые сопричастны и нашему исследованию. Думаем, что Высоцкий и Шукшин появились у Яни не случайно, особенно если учесть, что это в русле размышления о гибели Есенина. Вернемся

³ Читай в этой связи: М. Яблокова (моя девичья фамилия, М.Ч.). «Женщины погибших поэтов: Гончарова, Дункан, Влади». – «Россия молодая», №5, 1991.

и мы к этому странному есенинскому написанию букв «г» и «ч», когда речь пойдет о наших академиках-есениноведах.

А теперь «Оскорбление легендой» (это название предложила редакция «Ветерана» вместо – «Есенин как идеал психического здоровья»: «Нет, это слишком, – сказал Евгению Васильевичу, главный редактор, – так сразу уж – не надо. Не поймут»).

Напомним основное положение, на котором наш научный редактор в 1990 году, а мы, в 2017 году, настаиваем бескомпромиссно: «Для того чтобы человек, не будучи психически больным, мог покончить с собой, всегда нужен кто-то, кто „поможет“ ему в этом. Обстоятельства в конечном итоге – это живые, конкретные люди, желающие смерти того, кого они доводят до самоубийства. Но доведение до самоубийства – одна из форм убийства. Убийства изощренного. Это хорошо знают юристы. Поэтому „пересуды“ вокруг гибели Есенина и сводятся в принципе к одной версии – убийства. В противном случае это были бы пересуды о том, был ли Есенин сумасшедшим или не был».

Допустим, мы не знаем, что произошло в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года в ленинградской гостинице «Англетер». И зададим себе вопрос: когда эти два слова – «самоубийство» и «Есенин» были соединены? Находим четкий ответ: тогда, когда Сергей Есенин был впервые объявлен сумасшедшим. Все по-житейски банально и просто. Все лежит на поверхности. Почти во всех книгах о Есенине это проходит чуть ли не красной нитью, но, тем не менее, никак и никем не связывается с трагедией в «Англетере». Почему?

Сразу оговоримся еще раз: никаких «новых» версий о смерти С. А. Есенина мы и сейчас не предлагаем! Только размышляем, насколько нам позволяют наши знания и ...документы! Здесь мы опубликуем то, что или не знают, или замалчивают. Что, убеждены, будет сенсацией! Это по поводу «посмертной» маски Сергея Есенина!

«Cherchez la femme» – говорят французы. «Ищите женщину», – советовал еще Сократ. А на Руси в давние времена говорили более определенно: «Ищите ведьму»...

Первым человеком, кто связал «самоубийство» с именем Сергея Есенина, была американская балерина Айседора Дункан. «Босоножка», прошедшая разведшколу Абвера в Индии, в которой чуть раньше «училась» и легендарная Мата Хари (Подробнее об этом, читай в книге Е.В.Черносвитова «Формула смерти», Ридеро. Издание третье, исправленное и дополненное. Глава «Promenade des Anglais»). Она же первая объявила «на весь свет» Есенина сумасшедшим, показывая его психиатрам Америки, Франции и Германии, заявляя о его безумии в интервью и в письмах «протеста» в богатейшие и модные газеты Европы. После тщательного изучения многих документов попробуем рассказать, как нам представляются эти взаимоотношения поэта и «босоножки» (развед. школа Абвера в Индии готовила шпионок и диверсанток, которые очаровывали публику, танцуя босиком и в прозрачном платье на голое тело. Заметим, что прозрачное платье на голое тело – сейчас обыденная одежда для жен и женщин-эскорт VIP всего цивилизованного мира! Одним словом, как в древней Греции: Порнократία, Порнократия – форма правления Государством проституток, господствовавшая в древней Греции и в 10-ом веке в Европе, даже в Ватикане... Как это происходит сейчас, читай Е. В. Черносвитов, «Сага о Белом Свете. Порнократия. Книга 1. При свете ясного солнечного дня. Книга 2. Радуга в ночи).

Айседора Дункан приехала в СССР по приглашению А. В. Луначарского и организовала в Москве балетную школу в 1922 году. 2 мая Есенин и Дункан поженились. 10 мая 1922 года они уехали за границу – сначала в Америку, затем в Европу, где пробыли до августа 1923 года. В 1922 году Дункан было 45 лет, Есенину – 27 лет. Айседора была уже известной танцовщицей, но суперзвездой она не была никогда. То, что она откликнулась на приглашение Луначарского и приехала в революционную Россию, – не случайно. Ее «творческие» поиски продолжались. Своего «потолка» она не достигла. Советская Россия – весьма интересна Абверу! Она танцует «Марсельезу», потом «Интернационал». Брак с молодым, красивым, талантливым

русским поэтом, крестьянином, «мужиком» из красной России... Ее понять можно и нужно! Она везет Есенина, чтобы показать его свету. И выполняет поручение Мейерхольда испытать Сергея Есенина в гомосексуальном закрытом клубе. В это время они с Мейерхольдом открыто разваливают Большой Театр. Дункан надеется, что Есенин будет ошеломлен и покорен цивилизованными и культурными странами. Конкретно – попробует гомосексуальную любовь! Она внушает Есенину, что «спасает» его талант от совдепии! Она – его звезда, вспыхнувшая при его появлении. Для того, что узаконить манипулирование Есениным, Айседора Дункан вступает с ним в брак и везет его за границу.

Но все сразу же оборачивается по-иному. Есенин не в восторге от «заграницы», наоборот: он органически ее не приемлет. Ему плохо и дискомфортно в Америке. Он хочет назад, в Россию. Сначала Дункан считает, что это просто его причуды, показной патриотизм, дикие выходки мужика. Начинаются скандалы. Есенин начинает пить, несмотря на «сухой закон» в Америке. Этого меньше всего ожидала Дункан. Она быстро соображает, что нельзя показывать свету, что они ссорятся («свет» должен видеть необыкновенную любовь «двух великих талантов»: она готовит себе «новую легенду»). Нельзя также показывать ему, этому «свету», что русский поэт, красный крестьянин, не подвластен ее чарам! Чему тогда ее учили в Дели? Он делает испытанный ход в Европе – объявляет Есенина... сумасшедшим и угрожает «упрятать его в дурдом, превратить в «железную маску»! Расчет прост и верен, ибо в начале XX века гений и безумие были синонимами. Попутно скажем, что Дункан не удается завести Есенина в закрытый клуб гомосексуалистов в Париже (где, конечно, их ждали). Неожиданно во тьме появляются двое в штатском и устраивают Есенину потасовку, тем самым уводят от клуба. Всю поездку за бугром Сергея Есенина оберегала советская разведка. Документы сохранены...

Объявив Есенина, «своего мужа», сумасшедшим, страдающим madness (припадками безумия, бешенства) Дункан сначала показала его американским психиатрам. Она таким образом начала создавать себе и Есенину типично американскую рекламу «terrible infants» (дети, внушающие ужас⁴). Не так, так иначе, но чтобы. Есенин не вернулся в СССР. До конца цели оставить Сергея Есенина любой ценой за границей, нам не сны. Но, практичные американцы (возможно осведомленные, кто такая Дункан, отказываются Есенина лечить – «здоров». Есть предположение, частично подтверждаемое документами, его спас Петр Борисович Ганнушкин, первый красный профессор психиатрии (свидетельство Иоганна Баруха Галанта – Ивана Борисовича, своему ученику, нашему научному редактору, Евгению Васильевичу). Тогда Дункан устраивает Есенину рекламу «terrible infants». Вернее, безумного гения. «Главное – чтобы о нем в этом качестве, заговорили: в полусвете, свете, печати. Свои и бывшие «свои» для Есенина – русские эмигранты. Красивая по тем временам легенда о гениально-сумасшедшем русском поэте, «красном» Дориане Грее, создана успешно и начала работать. Значит, будет приносить капитал. К тому же, есть что возразить на «гнусную клевету» поэтам Мережковскому и Гиппиус, когда те заявили, что «Дункан и Есенина выпроводили из Америки из-за пьяных кухонных скандалов и драк между собой».

Но самый грандиозный скандал Дункан устроила в парижском отеле «Crillon» («Крийон»). После скандалов в Америке, Дункан выступила перед прессой, одетая во все ярко-красное, словно обернутая советским флагом, и гневно сказала: «Америка – страна бандитов!» Рядом стоял Сергей Есенин! Так, Сергей Есенин со своей «женой», покинул US!

Крупнейшие американские газеты, такие, как «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк Геральд», сразу же откликнулись на скандал в Париже, поместив сообщение о нем под огромными заголовками: «Айседорин поэт впадает в бешенство в парижском отеле», «Он рехнулся!» («... поэт разносит в щепки мебель в отеле. Танцовщица заявляет, что брак между ними дальше невоз-

⁴ Дитя с ангельским личиком, но душою дьявола в начале тридцатых годов становится героем бульварных романов и кинофильмов, предтечей фильмов ужасов.

можен»). Действительно, в номере, где остановились Дункан и Есенин, в ночь с 16 на 17 февраля 1923 года была разрушена вся мебель, разбиты зеркала и стекла, разорваны шторы – короче. был совершен настоящий погром. Наутро, 17-го не только газеты, но весь Париж занят исключительно погромом в отеле «Крийон». Айседору волнует только одно: как бы не подумали, что она и ее милый Сереженька ссорятся. Она выступает с интервью перед французскими, американскими и немецкими газетами. Она продолжает развивать легенду о помешательстве Есенина, обогащая ее новыми и новыми красочными подробностями. Вот, например, для «Международных новостей»: «...Это трагедия. И это абсолютная ложь, что мы ссоримся. Не выразить словами, через какие испытания прошел Серж во время войны, каким шокам подвергалась его тонкая поэтическая натура. Во время войны он был трижды тяжело ранен, получил тяжелое повреждение головы. Не меньше он пострадал и во время революции».

И все же это была и ссора – мебель и зеркала в отеле, по-видимому, били оба. Есенин после этой ссоры уезжает в Германию, бросая Дункан. И, как говорят злые языки, прихватывает с собой «в качестве сувенира» очаровательную 17-летнюю служанку Айседору. Дункан. Опять же не без помощи «бывших русских» (к этому понятию мы еще вернемся). Бегство Есенина Дункан для прессы объясняет исключительно припадками его безумия. Американцам она (и шпионки женщины – женщины!) мстит по-своему: обвиняет Америку в том, что Есенин сошел с ума – «это все из-за дурацкого „сухого закона“, жертвой которого явился Есенин. В Америке он вынужден был пить контрабандный виски, который ему совали везде, где только можно... Прекрасное французское вино не вызвало бы у него помешательства». Ее ничуть не смущает то, что заявления ее порой противоречивы. Главное – ее слушают, печатают. Она – в центре внимания. Дункан в одном из своих «признаний» в отношении помешательства С. А. Есенина говорит, что показывала его психиатру Жюлю Маркузу и что он «подтвердил ее диагноз», поставленный Есенину. Возможно, ранее соблазненный психиатр и «отработал»... «Босоножки» учили, как соблазнять мужчин и ...женщин! У нас нет прямых доказательств, но Ирма Дункан не была в Индии. Скорее всего, приемная дочь была в лесбийских отношениях с «матерью». Дункан только один раз «опростоволосилась» – пытаясь соблазнить престарелого Родена... Настолько она была искусна в обольщении и в «изысканном сексе», что умела затащить к себе в постель и гомосексуалиста... Но, повторяем, с Роденом не получилось. Он был влюблен в Рильке, тоже в великого поэта! Европейского «Есенина»... (См.: Е.В.Черносвитов. «Ницше, Рильке и Россия». Ж. «Грани», 1998, №185).

Когда интерес к скандалу в отеле «Крийон» в Париже начинает угасать, Дункан заявляет, что немедленно уезжает в Германию «спасать поэта от самого себя». Тогда, перед отъездом из Парижа, она впервые в интервью сообщает, что имеет предчувствие, что Есенин застрелится. Возможно, в «операции Есенин», был и такой вариант – убийство Сергея Есенина (который и был реализован в Англере, в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года). В конце марта 1923 года Дункан едет из Парижа в Берлин на автомобиле вместе со своей подругой Мэри Дести (которая, кстати, охотно свидетельствует в пользу Дункан – сначала о сумасшествии Есенина, а вскоре и о его неоднократных попытках самоубийства – это все там, в Европе). Здесь нет места для сотрудницы Абвера – Мэри Дести, предполагаемой организаторше убийств детей Дункан и самой Айседору в Ницце. Встреча Дункан и Есенина бурно отмечается в ресторане отеля «Адлон» и заканчивается ссорой и битьем посуды и попытками разрушить мебель. Испуганному хозяину отеля Мэри заявляет, что у русского поэта припадок эпилепсии, и вызывает психиатра. Тут-то и происходит курьез. Врач, зайдя в номер Айседору и Сергея и поговорив с обоими, назначает инъекцию морфия (в то время он применялся для снятия возбуждения у психических больных) ...Айседоре Дункан, и дает Есенину советы, как лечить его слишком эмоциональную супругу. Поэт, поблагодарив, провожает врача до двери.

Легенда о психической болезни С. А. Есенина не подтверждается и немецкими психиатрами. Но благодаря Мэри Дести, безумие Есенина обогащается еще одним определением –

«эпилепсия». Это уже пущено в ход. Даже тогда, когда у Дункан на границе из Германии во Францию возникают сложности из-за отсутствия виз, эта легенда об эпилепсии Есенина удачно срабатывает. Контрразведка Франции, предполагаем, знала, кто такая Айседора Дункан, прикрывающаяся Сергеем Есениным обожаемым поэтом Троцким и Сталиным! (Сергей Есенин не раз приходил без приглашения и пропусков к Сталину. Вождь просил Сергея Александровича «перевести на русский язык стихи грузинских поэтов»). В консульстве Франции в Германии, Айседора незамедлительно получает визы на въезд. Она искренне считает, что это результат ее «остроумия» – сказать консулу, что «в машине Есенин, советский поэт, страдающий эпилепсией, которого ни на минуту нельзя оставить одного: с ним молодая медсестра, сопровождающая его из России».

В Париж они благополучно прибывают 10 апреля, сообщив своим друзьям, что «немцы напуганы бешенством Есенина и не хотят предоставлять им свои отели».

Можно со всей определенностью утверждать, что Дункан сама провоцировала эти «припадки безумия» («бешенства», «дикого возбуждения», «эпилепсии», «слепой ярости» и т. п. – эти и другие определения встречаются в многочисленных заявлениях и признаниях А. Дункан и М. Дести, в воспоминаниях последней) – ведь интерес к себе в Европе нелегко постоянно держать на уровне. Так было в «Русском ночном ресторане» в Париже, который содержали и обслуживали бывшие офицеры царской армии, и где Айседора вздумала танцевать с красавцем – профессиональным танцором. Повторяем, Айседора была 100%+ женщиной! Так случилось и после ее выступления в «Palais du Trocadero» 27 мая, когда она, протанцевав на «браво» исключительно русское, включая шестую симфонию Чайковского, собрала небольшой круг друзей, артистов и поэтов. Есенин в ярости, как вспоминает все та же Мэри Дести, запустил канделябром в зеркало, а затем разбросал нескольких мужчин, пытавшихся его успокоить. Именно тогда, 27 мая, Дункан, вызвав полицейских, отправляет Есенина в частную и очень престижную психиатрическую лечебницу «Maison de Santé», которая находилась в пригороде Парижа, местечке Сант-Манде (St. Mandé). Айседора задействовала вариант «железная маска»! Там С. Есенин находится три дня и... выписывается! В документах на этот счет находим разные толкования. Ирма Дункан (приемная «дочь» Айседоры) пишет, что, так скоро забирая Есенина из психиатрической лечебницы, Айседора руководствовалась исключительно своей фантастической любовью и терпением, проявляемыми во всех случаях к Есенину, а отнюдь не потому, что эта лечебница чрезвычайно дорога. Находим еще один источник, сообщающий нам о пребывании С. А. Есенина в той лечебнице у... Георгия Устинова, того самого, кто был последние часы с С. А. Есениным в «Англетере» (см. «Сергей Александрович Есенин». Воспоминания. Под редакцией И. В. Евдокимова. Москва – Ленинград, 1926 г., стр. 159). Ни в одном из доступных нам источников, нет и следа упоминания об истинных причинах и виновнике скоропалительной выписки С. А. Есенина из парижской психиатрической лечебницы. А мы знаем, кто посетил С. А. Есенина в лечебнице 29 или 30 мая 1923 года. Но, назовем его имя несколько ниже – сначала нужно рассказать о неисповедимых путях и странном переплетении человеческих судеб, порой кажущихся мистическими. Вариант «железная маска» также не сработал! А, из St. Mandé никто никогда не выходил! Сейчас эта «клиника» не существует. Вероятно, ее «перенесли» и она «без адреса»... (Информация от сестры нашего научного редактора, Александры Черносвитовой-ЭльКури, парижанки).

В Париже Айседора Дункан сообщает, что Есенин неоднократно угрожал ей, что повесится, и что якобы однажды надел себе на шею петлю и привязал ее к лампе. Так, был «оглашен» последний вариант – Англетер! (Есенина убили в номере №5, в котором он провел одну из первых ночей с Айседорой Дункан). Абвер исчез. Но, почему не использовать намек на него и гибель великого русского поэта Сергея Есенина, при случае публично? Это попыталась сде-

лять на Евровидении, выступающая второй раз, победительница с большим отрывом Лена Майер-Ландрут!⁵

Правда, при этом Дункан добавляет, что «те, кто много говорят о самоубийстве, на деле никогда его не совершают» (что, кстати, верно).

Вспоминают, что первые слова, которые произнесла Айседора Дункан, вступая на советскую землю, были: «Я возвращаю это дитя его Родине и никогда больше не хочу с ним иметь ничего общего».

С. А. Есенин вернулся в Москву, а с ним – легенды о его пылкой любви к Айседоре Дункан и их путешествии по Америке и Европе. В том числе и легенды о сумасшествии и попытках самоубийства. Эти легенды стали продолжать жить и работать уже в новых условиях, которые можно обозначить: Москва, 30-е годы...

Ну, а так сказать, персоналии? Это три психиатра. Два московских – один с мировым именем, но без всяких прав в столице. Другой – без всякого (тогда, в 30-х!) имени, но со всеми правами и властью в Москве. Третий – молодой, начинающий, смоленский, без имени и прав. И все они сыграли весьма значительную роль в закреплении надолго за С. А. Есениным и слова «сумасшедший», и слова «самоубийца».

Имя первого, друга знаменитого венского психоаналитика Зигмунда Фрейда коллеги, с которым вместе учился и работал у знаменитого психиатра Евгения Блейлера, в его клинике и приятеля Алексея Максимовича Горького, бывшего цюрихского профессора психиатрии, вернувшегося на Родину из Швейцарии в СССР, по приглашению А.В. Луначарского, – Иван Борисович Галант. Да, да, учителя и друга нашего научного редактора, Евгения Васильевича Черносвитова (см. Марина и Евгений Черносвитов. «Торрент-сутра США. Неизвестные Фрейд и Галант». Ридеро. 2016 год).

Имя второго, «красного профессора психиатрии», первым признавшего Советскую власть и активно включившегося в оказание ей помощи, бессменного руководителя кафедры психиатрии 1-го Московского университета, а, следовательно, всей столичной психиатрии, создателя так называемой малой (пограничной) психиатрии, – Петр Борисович Ганнушкин. Земляка Сергея Есенина.

Имя третьего, личности многообещающей, но трагической, – Виктор Семенович Гриневич.

Начнем, однако, со второго. В 1918 году Петр Борисович Ганнушкин становится профессором психиатрии. В это время закрываются и разрушаются монастыри. Раньше, до появления психиатрических больниц в России и богаделен, убогие, слабоумные и умалишенные, находили приют в монастырях. Там же находили убежище и те, у кого были нелады с законом и властями. Петр Борисович, видимо, прекрасно понимал, что и для некоторых жителей светлого настоящего и будущего, понадобятся и приюты, и убежища. Так клиническая психиатрия вышла за пределы психбольниц – в общество. У нее появились социальные функции, которые постепенно становились и социально-политическими, социально-идеологическими. «Пограничные» личности – это те, которые и не психически больные, но и не «нормальные». Когда у них (по их ли причине, по причине ли власть имущих) возникают сложности в обществе и с обществом – двери психиатрических больниц для них открыты (это, правда,

⁵ Немецкая певица, известная под сценическим именем Лена. Победитель международного песенного конкурса Евровидение-2010 в Осло. Участница международного песенного конкурса Евровидение-2011 в Дюссельдорфе. Если в Осло Лена обошла всех на 16 номеров, то в Дюссельдорфе она заняла 10-ое место! Посмотрите и послушайте внимательно выступление Лены Майер в Дюссельдорфе «Taken By a Stranger»! Там разыгрывается тема Англетера: 5-ый номер, разбитое зеркало тростью! И... «черные человечки», собачка, с длинными ушами... Евгений Черносвитов – председатель Международного Есенинского Комитета, председатель Есениновской Радунницы, Николай Юсов и один из авторов этой книги, Екатерина Самойлова, написали сначала письмо Лене Майер, посоветовав не выступать с этой провокационной песней! Так, как ответ от Лены не пришел, письмо было направлено в оргкомитет Евровидения... Немка Лена Майер заинтересовалась гибелью советского поэта Сергея Есенина? Что это такое было?...

не совсем сумасшедший дом, но «дневные стационары» при психиатрических диспансерах, как во времена Ганнушкина, или, так называемые «санаторные отделения» при психбольницах, как во времена А. С. Снежневского). Петр Борисович Ганнушкин, по нашим данным, консультировал С. А. Есенина четыре раза: с конца декабря 1923 года по 21 декабря 1935 года. Ганнушкин выставляет Есенину разные психиатрические диагнозы: «астеническое состояние у аффективно-неустойчивой личности», «суицидальная попытка у аффективно-неустойчивой личности» (это когда Есенин, поскользнувшись у дома №4 по Брюсовскому переулку на обледенелом тротуаре, падая, поранил руку стеклом и попал сначала в Шереметевскую больницу, а затем был переведен в Кремлевскую, где, естественно, Петр Борисович являлся консультантом, – после этого шрамы на запястье левой руки, так и связывали с попыткой перерезать себе вены), «делирий со зрительными галлюцинациями, вероятно, алкогольного происхождения» (то бишь, «белая горячка») и, наконец, «маниакально-депрессивный психоз». Да, вот такая примерно последовательность. А мы ведь знаем истинные причины поступления С. А. Есенина в клиники 1-го Московского университета (все четыре клиники принадлежали университету). Это отнюдь не расстройство психики и не душевные, так сказать, кризисы, а нелады со следственно-карательными органами. Петр Борисович Ганнушкин, не раз беседовал и с родственниками поэта. По-видимому, с его слов сестра Есенина, Екатерина Александровна, советуя брату очередной раз лечь в психиатрическую больницу, сказала, что «психов не судят» (о роли Екатерины Александровны в судьбе брата, мы знаем от ее племянницы, Светланы Петровны Есениной и... от Вадима Алексеевича Козина – подробнее ниже).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.